

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.51

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-2-474-485

Оригинальное исследование

Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку

Лобанов К.Н.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
Email: lobanov.politika@gmail.com

Аннотация. Период развития цивилизации, известный как глобализация, равно как и предшествовавшая ему эпоха биполярного мирового устройства, становится историей. На смену уходящему плану приходит миропорядок, контуры которого еще не вполне понятны и неизвестны. Тем не менее основные элементы постглобальной композиции мира уже начинают проявляться. На уровне систем государственных и межгосударственных отношений среди них наиболее ощутимы экономический эгоизм, склонность к автаркическим практикам, ренессанс парадигмы «закрытого общества», резкий подъем религиозного национализма, реинкарнация политики альянсов в духе времен «воюющих царств». Весомое место в процессе транзита от глобального к постглобальному порядку как в мировоззренческом плане, так и в формате реальной политики продолжает играть фактор военной силы. События последних лет указывают на возрастающее значение силовых компонентов в инструментарии политики и политиков. Государства и их лидеры стали все чаще прибегать к использованию военно-промышленных потенциалов для повышения своего статуса в мировой политике или разрешения политико-территориальных проблем. Не будет большим преувеличением суждение о том, что после эпохи относительной стабильности, следовавшей вслед за распадом СССР, мир вступает в полосу войн и военных конфликтов. В представленной публикации автор осуществит попытку проследить восходящую динамику вооруженного насилия на примере ряда военных конфликтов и произошедших по их итогам политико-территориальных изменений на евразийском геополитическом пространстве. Эту проблему автор склонен рассматривать в контексте наметившегося перехода мирового сообщества к новому порядку взаимоотношений.

Ключевые слова: мировой порядок, постглобальный мир, военная сила, война, военный конфликт

Для цитирования: Лобанов К.Н. 2024. Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 474–485. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-474-485

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Military Power Factor and Its Influence on Political and Territorial Transformations in the Context of Transition to a Post-Global World Order

Konstantin N. Lobanov

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
71 Gor'kogo St., Belgorod, 308024, Russia
Email: lobanov.politika@gmail.com

Abstract. The civilization period known as globalization, as well as the era of the bipolar world order that preceded it, is becoming history. The outgoing political scenery is being replaced by a world order, the contours of which are not yet fully realized and vague. Nevertheless, the main elements of the post-global world framework are already beginning to manifest themselves. The most noticeable among them are revealed at the level of national and international relations: the economic egoism, the tendency to autarkic practices, the renaissance of the "closed society" paradigm, the acute rise of religious nationalism, the reincarnation of alliance politics emerging in the spirit of the things as they were used in "warring kingdoms". The factor of military power continues to play a significant role in the transition from the global to the post-global order, both in terms of ideology and in the format of real politics. The events of the recent years highlighted the increasing importance of military force components employed as the tools of politics and politicians. Nations and their leaders have increasingly resorted to using military potentials to enhance their position in world politics or resolve political and territorial problems. It would not be an exaggeration to suppose that the collapse of the USSR and the period of relative stability that followed it, caused a number of wars and military conflicts. The author of the current paper will attempt to trace the upward dynamics of armed violence taking into account a range of armed conflicts and the resulting political and territorial changes happened in the Eurasian geopolitical space. The author will consider this problem in the context of the emerging transition of the world community to a new order of mutual relations.

Keywords: world order, post-global world, military power, war, military conflict

For citation: Lobanov K.N. 2024. The Military Power Factor and Its Influence on Political and Territorial Transformations in the Context of Transition to a Post-Global World Order. *Via in tempore. History and political science*, 51(2): 474–485 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-474-485

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Гуманитарный кризис, вызванный коронавирусом SARS-CoV-2, был отмечен не только внушительными людскими потерями, но и тем, что привел в движение процесс перестройки всего общепланетарного социального пространства. На наших глазах происходит смена социально-исторических периодов, в ходе которой глобализация как тренд текущего мирового времени вытесняется новой постглобальной стадией его течения. Основные параметры грядущего цикла социогенеза, по сути, являются антитезой системных характеристик предыдущего. Если глобализация в целом воспринималась как всемирный интеграционный процесс, сопровождавшийся расширением социальных связей в мировом пространстве [James, 2005, p. 197], то постглобалистские практики ведут к дефрагментации такого пространства и сворачиванию трансконтинентальных форм социальной организации и коммуникации [Peters, Askin, 2020, s. 5]. Введенные на период борьбы с пандемией и, казалось бы, временные ограничения в мировой торговле на деле трансформировались в устойчивые стратегии экономического национализма или экономического эгоизма, знаменуя собой закат эпохи всемирного рынка и переход к реалиям «*age after free trade*» [Lighthizer, Hanson, 2024]. Постпандемийная действительность дала основания профильным международным институтам предупреждать о распаде мирового рынка на два и

более не связанных между собой блока [Okonjo-Iweala, 2023]. Реверс национальных экономик в сторону государственного планирования и «закрытию» своих рынков, доминирование автаркистских настроений и идей над концептом открытых глобальных сетей в экономике и торговле зафиксировали апгрейд глобализма как идеологии. Реальность элиминировала претензию либеральной доктрины на всеобщность, глобальный универсализм [Дугин, 2020]. Постглобальный мир, точнее значительная часть его, отвергает идеи глобалистов навязать единый для всех исторический проект, унифицировать жизнь в рамках одной матрицы. Китай, Индия, Россия, государства Глобального Юга продвигают собственные, эмансипированные от Запада системы ценностей и модели мироустройства. О неизбежности такой перспективы ранее писал З. Бжезинский [Brzezinski, 2012, p. 139]. Идейная эрозия глобализма пошатнула политическую структуру мира, основанную на признании безусловного лидерства западных элит. Не проявив флагманских качеств в период борьбы с пандемией коронавируса [Lobanov, Selin, 2021, л. 148], западный правящий слой и возглавляемые им институции продолжили терять позиции на мировом публично-политическом поле, освобождая место незападным объединениям и их гегемонам²⁰³.

Переход мирового социума и различных форм его организации (экономики, идеологии и политики) от глобализма к постглобальному состоянию осуществляется не линейно, с известной долей непредсказуемости. Сделав отсылку к аксиоматике политического анализа, можно констатировать сам факт транзита – это уже почти аксиома, но само протекание такого процесса, его длительность и напряженность – всегда контекстуальны. Осмыслению ряда факторов, сопровождающих утверждение постглобального миропорядка в сегодняшних политических реалиях, намерен посвятить свою публикацию автор.

Цель исследования

Проанализировать особенности выражения фактора военной силы в период переформатирования и последующей трансформации глобалистской конструкции международных отношений в однополярной форме мироустройства и подтвердить гипотезу о корреляции политико-территориальных изменений последнего времени с восходящей динамикой развития указанного фактора.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает военная сила как один из факторов становления новой системы межгосударственных отношений в период транзита мира к постглобальному состоянию. Предметом исследования являются политико-территориальные трансформации как результирующее значение применения военной силы государственными и негосударственными акторами. В ходе исследования автором применены аксиоматический метод, метод экстраполяции, метод прогнозирования состояния систем.

Результаты и их обсуждение

В период активной фазы глобализации, то есть примерно в 2000–2015 годах, фактор военной силы не сильно выделялся на фоне доминирующих трендов мирового развития, таких как транснационализация и регионализация в экономике и торговле и структурирование однополярности в международных отношениях. Статистика отмечает, что после пика начала 90-х годов прошлого столетия, когда было зафиксировано 58 военных конфликтов высокой интенсивности с участием государств, в мире наметился заметный спад вооруженного насилия. К

---

²⁰³ Страны БРИКС в 2022 г. обогнали G7 по уровню ВВП – 31.5 % и 30.3 % соответственно. К 2028 г. страны БРИКС будут обеспечивать 37 % от мирового ВВП, при этом доля стран «большой семерки» будет ниже 27 % в мировой экономике. См.: Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 07.04.2024).

2003 году число таких конфликтов понизилось до 32 или на 40 %. С 2003 по 2015 годы картина почти не менялась [Davis, Pettersson, Öberg, 2023, p. 695]. В 2015–2018 годах кривая конфликтности вновь устремилась вверх, достигнув показателей в 50–52 инцидента в год [Ibid., p. 695]. В 2022 году исследователи из Упсальского университета в Швеции констатировали рекордные за последние 30 лет 55 случаев межгосударственных конфликтов [Ibid., p. 693]. В свою очередь специалисты из Международного института стратегических исследований в Великобритании в 2023 году более чем утроили эту цифру до 183 с учетом региональных конфликтов и конфликтов с задействованием негосударственных акторов [PISS, 2023].

Синхронизация событий позволяет коррелировать рост международной конфликтности со структурными изменениями в мировой экономике, на товарных и финансовых рынках, которые происходили в этот период под воздействием череды кризисов (*Great Recession* 2009–2013 годов и ее финансовый дубль в 2015–2018 годах, европейский долговой кризис 2009–2019 годов). Тогда в целях минимизации ущерба от шоков государства-нации стали «отгораживать» свои экономические комплексы и финансовые системы друг от друга, а также от реальных или потенциальных эпицентров нестабильности вместо того, чтобы координировать на глобальном уровне антикризисные меры [Gardó, Martin, 2010, p. 38]. В период антипандемийной кампании тенденция к дефрагментации глобальной экономики и рынков на отдельные сегменты только усилилась. Именно в 2020–2022 годах наблюдается резкое обрушение самих парадигмальных основ и сущностных практик глобализации, включая транспарентные границы, солидарность обществ, эффективность наднациональных институций и веру в непогрешимость глобалистских элит. В итоге мир стал еще более эгоистичен, «закрыт» и заиклен на решении локальных проблем [Georgieva, 2023]. Одним словом, социум вступил в стадию постглобальной трансформации, в результате чего возврат человечества к допандемийному мировому порядку стал невозможен [Kissinger, 2020]. Обострившаяся в новых условиях геополитическая конкуренция вызвала эрозию однополярной модели мироустройства, служившей своего рода политической проекцией глобализующейся экономики и рынков. Глобальный контекст довольно динамично по меркам исторического времени стал смещаться в сторону складывания новых альянсов в противовес главному протектору и бенефициару однополярности США. Так, например, обретает зримые очертания триумвират в составе Китая, России и Ирана. Тяготение держав друг к другу объясняется общим их неприятием *Pax Americana* и стремлением к собственной трансрегиональной полюсности, что дало повод оппонентам альянса назвать его «антизападной осью», а Китай – «новым гегемоном недемократической части мира» [Urhová, 2024]. Некоторые *think tanks* продолжают тематизировать дискурс и фокусируют внимание на грядущей блоковой разделенности мира на фоне ужесточения геополитической конкуренции [CSIS, 2024].

В текущей позиции сложно предсказать дальнейшее течение событий. Пока не ясно, завершится ли постглобальная трансформация установлением полноценной многополюсной модели мироустройства взамен однополярной или последняя уступит место сменяющимся ситуативным альянсам. Очевидным представляются два модуса – в обозримой перспективе мир перестанет быть однополярным, а идущая на смену прежней система международных отношений в формате *Zukunft Zwei* тоже не будет мирной [Jahn, 2018, p. 52]. Во-первых, если все завершится разделением мира на блоки или группы государств, то конфликтность будет имманентно встроена в систему взаимоотношений между ними, особенно в условиях растущей геополитической конкуренции и обострения борьбы за исчерпываемые ресурсы [Laune, 1993, p. 47]. Аксиоматичность этого утверждения регулярно подтверждалось в истории, положив начало в период *Чжаньго шидай* в Древнем Китае. Во-вторых, социально-исторический опыт также показывает, что в фазе транзита к новому состоянию международных отношений, в условиях перехода к следующей модели миропо-

рядка, при смене социально-экономических формаций и т. д. конфликтность между коммуницирующими в мировой политике акторами возрастает количественно и меняет некоторые атрибутивные свойства. Но если с численными величинами и лежащими в основе их роста причинно-следственными связями мы уже определились ранее, то произошедшие эволюционные сдвиги в условиях протекания и в содержании международной конфликтности требуют дальнейшей аналитической проработки. Здесь, на наш взгляд, следует учесть как минимум четыре сущностных момента.

Первый состоит в том, что конфликтность или конфликтная среда как совокупность конфликтогенных факторов, порождающих столкновения между субъектами взаимодействия, стала иной, нежели она была еще 10–15 лет назад. В период расцвета неолиберальной глобализации в системе международных отношений доминировала однополярная модель мироустройства, называемая в западной транскрипции «порядком, основанным на правилах» (*Rules-Based Order*). Соответственно, большая часть конфликтов на мировой арене происходила либо из-за желания главного интересанта однополярности США навязать остальным ими же самими устанавливаемые правила поведения либо наказать нарушителей этих норм [Лавров, 2021]. Так как силы, сдерживающей императивность США, в международных отношениях не было, то единственная сверхдержава сама дозировала конфликтность в глобальных масштабах, поддерживая ее уровень на допустимых для своих интересов пороговых значениях. Последнее обстоятельство дало повод даже говорить о некоей эпохе стабильности, наступившей после распада СССР [Fard, 2021, p. 33]. В постглобальных реалиях мир закрывает эту страницу и вступает в эпоху конфликтов и войн [Blinken, 2023]. В отличие от однополярной системы конфликтность будет проистекать не из-за попыток гегемона структурировать желаемую модель, а в силу невозможности организации контроля за ситуацией и разрушения самой модели. Деструкция однополярности, как равно и любой другой системы мироустройства, сопровождается стохастичностью и хаотизацией международных отношений, ранее упорядоченных гегемоном в той или иной форме иерархизации. Ослабление вертикальных внутрисистемных связей многие субъекты восприняли как своего рода сигнал к началу действий, некое «окно возможностей» для решения насущных задач национального развития, тем более что опыт выхода из-под контроля «большого брата» у некоторых из них уже был во время преодоления «корона-кризиса». Нарушителями «порядка, основанного на правилах» стал Китай, приступивший к созданию сети искусственных островов в акватории спорного архипелага Спратли и активировавший тайваньскую проблему. Азербайджан, отменивший *status quo ante* на Южном Кавказе, а также Россия, присоединившая Крым. С точки зрения США, эти страны бросили вызов устоявшемуся после окончания «холодной войны» укладу и привели мир в своего рода броуновское движение [Viden, 2023]. С утверждением американской стороны можно согласиться лишь отчасти. В основании кризиса и упадка однополярной модели мироустройства лежит не чья-либо злосторонняя воля, но куда более веские, глубокие, а самое существенное – объективные причины. Одновременно стоит признать правоту тезиса о дезинтеграции однополярной системы связей как причины и питательной среды (коллоидного бульона), продуцирующей конфликтность в контексте постглобализма.

Другим важным аспектом проблемы является акцентуализация целеполагания субъектов конфликтинга на удовлетворении своих политико-территориальных притязаний. Биполярный и постбиполярный миропорядки оставили по всей планете массу локальных споров из-за государственной принадлежности той или иной территории с находящимися на ней ресурсами. Такие разногласия вызывали столкновения разной степени интенсивности, однако в силу тупиковости ситуации конфликты переводились либо в тлеющее состояние,

либо в режим заморозки²⁰⁴. «Снятие» объекта конфликтного противостояния откладывалось сторонами до лучших времен, до момента установления благоприятных геополитических условий, ассоциировавшихся, главным образом, с началом тектонических сдвигов глобального масштаба [Reet, 2008]. После пандемийной встряски, когда многие страны посчитали себя свободными от прежних публично-правовых обязательств по сдерживанию, ряд из них пришел к выводу, что час настал и пришла пора закрыть территориальный гештальт. Азербайджан, руководствуясь формулой кризисного менеджмента «быстрое решение – вернее правильного», ликвидировал в 2023 году армянский анклав Арцах, нарушив при этом собственное обещание как государства-члена ООН не применять насилие в разрешении нагорно-карабахского конфликта [Landgraf, Seferian, 2024]. Аналогично поступила Турция, действуя в Сирии и Северном Ираке. Под предлогом борьбы с сепаратистами и в интересах безопасности турецкие власти за период с 2020 по 2022 годы по сути инкорпорировали в лоно своей государственности значительные территории двух сопредельных стран, населенных преимущественно этническими тюрками (в Иракском Курдистане захвачена зона протяженностью 375 км и глубиной 40–50 км, в Сирии занята площадь 8 835 кв. км, включая более 1 тыс. населенных пунктов) [Çevik, 2022, p. 2]. Значительные территориальные изменения произошли в ходе российско-украинской конфронтации. В 2022 году в состав РФ были включены Донецкая и Луганская народные республики, части Запорожской и Херсонской областей Украины. Возможно, ближайшим аналогом этой логики действий будет дискурс других субъектов мировой политики в разных частях планеты. Судить об этом можно с определенной долей уверенности, так как все описанные инциденты (за исключением, может быть, ситуации с Россией и Украиной) остались без ощутимой реакции со стороны мирового сообщества, включая в первую очередь США. Если подходы к проблеме останутся прежними, то для многих политических режимов это будет доказательством того, что предъявление территориальных претензий может иметь чистые положительные результаты [Landgraf, Seferian, 2024].

Третьей и, пожалуй, главной специфичностью постглобальных реалий можно считать возвращение военной силы в арсенал политики. В обстановке хаотизации международных отношений, то есть когда рушится прежний мировой порядок и нарождается новый, сила и война становятся инструментами усиления своих позиций в этот период [Kashin, Sushentsov, 2024, p. 33]. Не случайно для решения застарелых территориальных проблем государства пошли именно по пути ревитализации вооруженного насилия. Напомним, что для ликвидации Арцаха альянсу Азербайджана и Турции понадобилось несколько десятилетий подготовки, 44 дня горячей стадии войны, три года перемирия и 3 дня на добывание остатков НКР. Турция на сопредельных территориях Сирии и Ирака провела три крупных военных операции с применением тяжелой техники и авиации. Российско-украинское противостояние сопровождается беспрецедентными за всю послевоенную историю боевыми действиями на европейском континенте [Kissinger, 2022, p. 34].

По всей видимости, динамика силового взаимодействия в мире станет нарастать, так как соблазн применения военных потенциалов для быстрого и окончательного разрешения накопившихся проблем у государств будет велик. Так, например, сомнительно, что Азербайджан остановится на Арцахе, и не попытается силой пробить коридор в свой Нахичеванский эксклав [de Waal, 2023]. Как и то, что Турция будет лишь с оливковой ветвью мира в руках отстаивать свои экономические интересы на шельфах Эгейского и Средиземного морей в споре с Грецией. Проблема Северного Кипра также представляет собой аналогичный случай. Общеизвестен так называемый «фактор 2027 года», когда, согласно расчетам американского разведывательного сообщества, китайский ВПК и оснащаемая им НОАК

²⁰⁴ Типологическими ситуациями являлись Абхазия и Южная Осетия, Нагорный Карабах (Арцах), Приднестровье, оазисы Ферганской долины. Косово, палестинские земли на Ближнем Востоке, Тайвань, Кипр и ряд других.

сравниваются по основным показателям военно-технической и военно-технологической мощи с США [Rudd, 2023]. Вслед за этим не исключается сценарий, согласно которому последует скорейшая насильственная реинтеграция Тайваня. Балканский регион, в свою очередь, тоже рискует превратиться в новый театр военных действий. Попытки посредников мирно разрешить тяжбу между Сербией и полупризнанной «Республикой Косово» о государственной принадлежности одноименного края не приводят к успеху. Нет никакой гарантии, что обе стороны вновь не возьмутся за оружие в тот момент, пока Европа занята Украиной, а США – сдерживанием Китая [Maliqi, 2023, p. 43]. В Западной полушарии зреют свои «гроздья гнева». В 2023 году Венесуэла и Гайана оказались близки к военному столкновению из-за спорной территории Эссекибо. К межгосударственной вооруженной конфронтации стали активно подключаться негосударственные акторы. В текущем конфликте на Ближнем Востоке боевые действия против Израиля ведутся в основном руками проиранских сателлитов – радикальных движений *ХАМАС* и «Хезболлах». Нечувствительность подобных структур к нормам международного права и законам войны предопределяет преимущественное использование неконвенциональных форм насилия в конфликтах с их участием [Вуман, 2024]. Таким образом, даже беглый анализ рассматриваемого среза проблемы свидетельствует не только о растущей востребованности военной силы как средства реализации устремлений субъектов мировой политики, но и указывает на активное проявление ее трансверсальных свойств, то есть способности динамично преодолевать пространственные и морально-психологические рамки и границы.

Еще одной новеллой постглобальной действительности стало изменение подходов субъектов конфликтинга к применению военной силы. Суть изменений заключается в том, что использование вооруженных сил и военно-технических потенциалов в конфликтах перестает быть императивным средством принуждения оппонентов, как это было ранее [Иванов, 2003, с. 590]. Современные гибридные войны позволяют сторонам рекрутировать вооруженное насилие факультативно как часть более масштабных военных операций неклассического типа. Целью таких операций является не собственно военное поражение противника на поле боя, а достижение победы над ним в результате парализации систем жизнеобеспечения и блокирования воли к сопротивлению [McCuen, 2008, p. 110]. Эффект достигается путем нанесения непоправимого ущерба при помощи комбинаторики сил, средств и условий экономического, финансового, социального, политического и психолого-информационного воздействия. При этом гибридные стратегии могут быть довольно растянутыми по времени, так как рассчитаны на выматывание противника, что, в свою очередь, влияет на длительность конфронтации [Коньшев, Парфенов, 2019, с. 59]. Российско-украинское противостояние продолжается более двух лет без явной перспективы завершения конфликта. В ходе этого столкновения поддерживающий Украину евро-атлантический Запад задействует против России практически весь арсенал гибридных средств ведения войны: в экономике – санкции и торговые эмбарго; в финансовой сфере – блокировку российских транзакций за рубежом; в сфере логистики – террористические атаки на энергетические коммуникации; в отношении системы управления и власти – разжигание искусственных кризисов и массовых протестов с целью дестабилизации деятельности; в информационном пространстве – организацию вбросов контента, направленного на морально-психологическое истощение людского потенциала противостоящей стороны. Как показывают события на Украине, средства вооруженной борьбы не отвергаются совсем, они как бы вписываются в общий контекст и фабулу гибридной стратегии, становятся элементом последней [Сивков, Соколов, 2023, с. 137]. При этом инициатор гибридных атак предпочитает самолично не вступать в противоборство с противником, а воюет с ним «под чужим флагом», руками своих прокси, как это делают США и их союзники по НАТО на Украине или Иран в борьбе с Израилем. Попутно происходит подпитка своей клиентелы военными ресурсами, финансовыми средствами, поддержка повстанческой и террористической деятельности [McCuen, Ibid., p. 111].

Таковы, на наш взгляд, базовые концептуальные моменты, связанные с проявлением фактора военной силы в ходе транзита к постглобальному мироустройству. Безусловно, перечень этот не исчерпывающий и будет дополняться сообразно изменениям реальности, равно как и не считается окончательной величина политико-территориальных трансформаций, результирующих применение военной силы. Важным промежуточным выводом является то, что в нынешних условиях значение военной силы как инструмента внешней политики и обеспечения национальных интересов того или иного государства не только не подвергнется элиминации, но будет возрастать, обновляя статистику и обретая новые качественные свойства.

Заключение

Отмечая возрастающую динамику вооруженной конфликтности на фоне распространяющейся хаотизации миро-политических связей и отношений, невольно приходится задаваться мыслью о фатальности погружения значительной части глобального социума в некую брутальную *fighting without rules*. Автор статьи полагает, что при условии складывания ситуативных альянсов в незападном секторе мира их противостояние с евро-атлантической коалицией действительно может достигать довольно острых форм. Единственным ограничителем эскалации в этом случае будет обладание и угроза применения оружия массового поражения против каждой из сторон. Между тем авторская позиция основывается на признании возможности альтернативного хода событий в случае изменения вектора мирового развития в сторону постепенного утверждения мультиполярной модели международных отношений. Солидаризируясь со словами Президента Российской Федерации о том, что многополюсный мир – это мир равноправных субъектов без чьего-либо диктата, мир более справедливого распределения ресурсов и знаний, мир взаимовыгодного сотрудничества и развития, мир общей для всех безопасности, не стоит не замечать преимуществ этого типа мироустройства [Путин, 2024]. С другой стороны, внутри этой модели кроется немало противоречий и несовершенств, она не может вполне отменить вооруженный антагонизм и территориальные препирательства между государствами хотя бы в силу того, что новые центры силы и влияния только нащупывают свое место в формирующемся мире. Вместе с тем в последующем при более или менее равновесном географическом распределении сил в пространстве мировой политики милитаристское начало человеческого бытия будет более прочно удерживаться всеми заинтересованными субъектами в рамках согласованного дисциплинарного подхода.

Список литературы

- Дугин А.Г. 2020. Постлиберальный порядок. Неизбежность. Москва, Академия Тринитаризма. Электронный номер 77–6567, публ. 26238, 23 марта. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0009/001a/00091156.htm> (дата обращения: 07.04.2024).
- Иванов С.Б. 2003. Военная энциклопедия. М., Военное издательство, Т. 7, 735 с.
- Коньшев В.Н., Парфенов Р.В. 2019. Гибридные войны: между мифом и реальностью. Мировая экономика и международные отношения, 63(12): 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.
- Лавров С.В. 2021. О праве, правах и правилах. Россия в глобальной политике. 4, Июль-август. <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (дата обращения: 13.04.2024).
- Путин В.В. 2024. Интервью Такеру Карлсону. Официальное интернет-представительство Президента России, 9 февраля. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 19.04.2024).
- Путин В.В. 2023. Послание Президента Федеральному Собранию. Официальное интернет-представительство Президента России, 21 февраля. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 07.04.2024).
- Сивков К.В., Соколов К.Н. 2023. Гибридная война. М., Наше завтра, 280 с.

- Biden J.R. 2023. Remarks by President Biden at a Campaign Reception, October 20. The White House. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-3/> (accessed: 13.04.2024).
- Blinken E.J. 2023. Secretary Blinken Outlines the Power and Purpose of American Diplomacy in a New Era in Speech at Johns Hopkins SAIS. September, 13. U.S. Department of State. Office of the Spokesperson. <https://www.state.gov/secretary-blinken-outlines-the-power-and-purpose-of-american-diplomacy-in-a-new-era-in-speech-at-johns-hopkins-sais/> (accessed: 13.04.2024).
- Brzezinski Z.K. 2012. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. New York, Basic Books, 433 p.
- Byman D. 2024. Stuck in Gaza. Six Months After October 7, Israel Still Lacks a Viable Strategy. Foreign Affairs, April 5. <https://www.foreignaffairs.com/middle-east/hamas-israel-stuck-gaza?> (accessed: 16.04.2024).
- Çevik S. 2022. Turkey's Military Operations in Syria and Iraq. German Institute for International and Security Affairs. 37 (May): 1–8.
- CSIS. 2024. 2024 Global Forecast: A World Dividing. Center for Strategic and International Studies. January-February. <https://features.csis.org/global-forecast-2024/> (accessed: 11.04.2024).
- Davis S., Petterssen T., Öberg M. 2023. Organized Violence 1989–2022, and the Return of Conflict Between States. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. Journal of Peace Research. 60(4): 691–708. DOI: 10.1177/00223433231185169.
- De Waal T. 2023. The End of Nagorno-Karabakh. How Western Inaction Enabled Azerbaijan and Russia. Foreign Affairs, September 23. <https://www.foreignaffairs.com/armenia/end-nagorno-karabakh> (accessed: 16.04.2024).
- Fard R. 2021. Towards a New Concept of Constructivist Geopolitics. Central European Journal of International and Security Studies. 15(1): 26–57.
- Gardó S., Martin R. 2010. The Impact of the Global Economic and Financial Crisis on Central, Eastern and South-Eastern Europe. European Central Bank. Occasional Paper. 114 /June, 67 p.
- Georgieva K. 2023. The Price of Fragmentation. Why the Global Economy Isn't Ready for the Shocks Ahead. Foreign Affairs. September-October. <https://www.foreignaffairs.com/world/price-fragmentation-global-economy-shock?> (accessed: 15.04.2024).
- IISS. 2023. The Armed Conflict Survey 2023. The International Institute for Strategic Studies. <https://www.iiss.org/en/publications/armed-conflict-survey/> (accessed: 09.04.2024). DOI:10.4324/9781003465379.
- Jahn B. 2018. Liberal Internationalism: Historical Trajectory and Current Prospects. International Affairs. 94(1): 43–61. DOI: 10.1093/ia/iix231.
- James P. 2005. Arguing Globalizations: Propositions Towards an Investigation of Global Formation. Globalizations. 2(2): 193–209. DOI:10.1080/14747730500202206.
- Kashin V.B., Sushentsov A.A. 2024. Warfare in a New Epoch: The Return of Big Armies. *Russia in Global Affairs*, 22(1): 32–56. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-32-56.
- Kissinger H.A. 2020. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. The Wall Street Journal. April 3. <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (accessed: 10.04.2024).
- Kissinger H.A. 2022. We're Heading into a Very Difficult Period. The Sunday Times Magazine. June 11: 34–39.
- Landgraf W., Seferian N. 2024. A «Frozen Conflict» Boils Over: Nagorno-Karabakh in 2023 and Future Implications. Foreign Policy Research Institute. Report, January 18. <https://www.fpri.org/article/2024/01/a-frozen-conflict-boils-over-nagorno-karabakh-in-2023-and-future-implications/> (accessed: 14.04.2024).
- Layne C. 1993. The Unipolar Illusion: Why New Great Power Will Rise. International Security. 17(4): 5-51.
- Lighthizer R.E., Hanson G.H. 2024. After Free Trade. Foreign Affairs. March-April. <https://www.foreignaffairs.com/responses/after-free-trade> (accessed: 07.04.2024).
- Lobanov K., Selin B. 2021. Human Security and State Functioning in the Context of Pandemic and Post-Pandemic COVID-19. Универзитет у Београду. Годишњак факултета безбедности: 145–159. DOI:10.5937/fb_godisnjak0-35440.
- Maliqi A. 2023. The Kosovo-Serbia Conundrum Reaches a Breaking Point: Kosovo's North Emerges as Europe's Most Vulnerable Spot Outside Ukraine. In: Western Balkans 2023: Assessment of Internal Challenges and External Threats. Ed. by T.L. Domi. The New Line Institute for Strategy and Policy. September, 46 p.

- McCuen J. 2008. Hybrid Wars. *Military review*, 88(2): 107–113.
- Okonjo-Iweala N. 2023. WTO Chief Wants on Very Costly Fragmentation of Global Economy. *Nikkei Asia*. October 30. <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/WTO-chief-warns-on-very-costly-fragmentation-of-global-economy> (accessed: 07.04.2024).
- Peet J. 2008. Frozen Conflicts. *The Economist*. November 19. <https://www.economist.com/news/2008/11/19/frozen-conflicts?> (accessed: 14.04.2024).
- Peters A., Askin E. 2020. Der internationale Menschenrechtsschutz in Zeiten von Postglobalismus und Populismus. *MPIL Research Series*, 13, Berlin, Max Planck Institute, 18 s. DOI:10.2139/ssrn.3590257.
- Rudd K. 2023. Ten Alternative Futures for U.S. – China Relations. The Center for International Relations and Sustainable Development (CIRSD). *Horizons*. Winter, 22. <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2023--issue-no22/ten-alternative-futures--for-us-china-relations> (accessed: 16.04.2024).
- Urhová D. 2024. Anti-Western Axis of China, Russia and Iran Forging Closer Ties Amid Growing Tensions in the Middle East. *China Observers in Central and Eastern Europe (CHOICE)*. March 26. <https://chinaobservers.eu/anti-western-axis-of-china-russia-and-iran-forging-closer-ties-amid-growing-tensions-in-the-middle-east> (accessed: 11.04.2024).

References

- Dugin A.G. Postliberal'nyj poryadok. Neizbezhnost' [The Post-Liberal Order. The Inevitability]. Moskva, Akademiya Trinitarizma. El. № 77-6567, publ. 26238, 23 marta. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0009/001a/00091156.htm> (accessed: 07.04.2024).
- Ivanov S.B. 2003. Voennaya enciklopediya [Military Encyclopedia]. Moskva, Voennoe izdatel'stvo, Vol. 7, 735 p.
- Konyshchev V.N., Parfenov R.V. 2019. Gibrnidnye vojny: mezhdumifom i real'nost'yu [Hybrid Warfare: Between Myth and Reality]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 63(12): 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.
- Lavrov S.V. 2021. O prave, pravah i pravilah. Rossiya v global'noj politike [About the Law, Rights and Rules. Russia in Global Politics]. 4. Iyul'-avgust. <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (accessed: 13.04.2024).
- Putin V.V. 2024. Interv'yuu Takeru Karlsonu [Interview with Tucker Carlson]. *Oficial'noe internet-predstavitel'stvo Prezidenta Rossii*, 9 fevralya. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (accessed: 19.04.2024).
- Putin V.V. 2023. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [The President's Message to the Federal Assembly]. *Oficial'noe internet-predstavitel'stvo Prezidenta Rossii*, 21 fevralya. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (accessed: 07.04.2024).
- Sivkov K.V., Sokolov K.N. 2023. Gibrnidnaya vojna [The Hybrid Warfare]. Moskva, Nashe zavtra, 280 p.
- Biden J.R. 2023. Remarks by President Biden at a Campaign Reception, October 20. The White House. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-3/> (accessed: 13.04.2024).
- Blinken E.J. 2023. Secretary Blinken Outlines the Power and Purpose of American Diplomacy in a New Era in Speech at Johns Hopkins SAIS. September, 13. U.S. Department of State. Office of the Spokesperson. <https://www.state.gov/secretary-blinken-outlines-the-power-and-purpose-of-american-diplomacy-in-a-new-era-in-speech-at-johns-hopkins-sais/> (accessed: 13.04.2024).
- Brzezinski Z.K. 2012. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. New York, Basic Books, 433 p.
- Byman D. 2024. Stuck in Gaza. Six Months After October 7, Israel Still Lacks a Viable Strategy. *Foreign Affairs*, April 5. <https://www.foreignaffairs.com/middle-east/hamas-israel-stuck-gaza?> (accessed: 16.04.2024).
- Çevik S. 2022. Turkey's Military Operations in Syria and Iraq. *German Institute for International and Security Affairs*. 37 (May): 1–8.
- CSIS. 2024. 2024 Global Forecast: A World Dividing. Center for Strategic and International Studies. January-February. <https://features.csis.org/global-forecast-2024/> (accessed: 11.04.2024).
- Davis S., Pettersen T., Öberg M. 2023. Organized Violence 1989–2022, and the Return of Conflict Between States. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. *Journal of Peace Research*. 60(4): 691–708. DOI: 10.1177/00223433231185169.

- De Waal T. 2023. The End of Nagorno-Karabakh. How Western Inaction Enabled Azerbaijan and Russia. *Foreign Affairs*, September 23. <https://www.foreignaffairs.com/armenia/end-nagorno-karabakh> (accessed: 16.04.2024).
- Fard R. 2021. Towards a New Concept of Constructivist Geopolitics. *Central European Journal of International and Security Studies*. 15(1): 26–57.
- Gardó S., Martin R. 2010. The Impact of the Global Economic and Financial Crisis on Central, Eastern and South-Eastern Europe. *European Central Bank. Occasional Paper*. 114 /June, 67 p.
- Georgieva K. 2023. The Price of Fragmentation. Why the Global Economy Isn't Ready for the Shocks Ahead. *Foreign Affairs*. September-October. <https://www.foreignaffairs.com/world/price-fragmentation-global-economy-shock?> (accessed: 15.04.2024).
- IISS. 2023. The Armed Conflict Survey 2023. The International Institute for Strategic Studies. <https://www.iiss.org/en/publications/armed-conflict-survey/> (accessed: 09.04.2024). DOI:10.4324/9781003465379.
- Jahn B. 2018. Liberal Internationalism: Historical Trajectory and Current Prospects. *International Affairs*. 94(1): 43–61. DOI: 10.1093/ia/iix231.
- James P. 2005. Arguing Globalizations: Propositions Towards an Investigation of Global Formation. *Globalizations*. 2(2): 193–209. DOI:10.1080/14747730500202206.
- Kashin V.B., Sushentsov A.A. 2024. Warfare in a New Epoch: The Return of Big Armies. *Russia in Global Affairs*, 22(1): 32–56. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-32-56.
- Kissinger H.A. 2020. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. *The Wall Street Journal*. April 3. <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (accessed: 10.04.2024).
- Kissinger H.A. 2022. We're Heading into a Very Difficult Period. *The Sunday Times Magazine*. June 11: 34–39.
- Landgraf W., Seferian N. 2024. A «Frozen Conflict» Boils Over: Nagorno-Karabakh in 2023 and Future Implications. *Foreign Policy Research Institute. Report*, January 18. <https://www.fpri.org/article/2024/01/a-frozen-conflict-boils-over-nagorno-karabakh-in-2023-and-future-implications/> (accessed: 14.04.2024).
- Layne C. 1993. The Unipolar Illusion: Why New Great Power Will Rise. *International Security*. 17(4): 5-51.
- Lighthizer R.E., Hanson G.H. 2024. After Free Trade. *Foreign Affairs*. March-April. <https://www.foreignaffairs.com/responses/after-free-trade> (accessed: 07.04.2024).
- Lobanov K., Selin B. 2021. Human Security and State Functioning in the Context of Pandemic and Post-Pandemic COVID-19. *Универзитет у Београду. Годишњак факултета безбедности*: 145–159. DOI:10.5937/fb_godisnjak0-35440.
- Maliqi A. 2023. The Kosovo-Serbia Conundrum Reaches a Breaking Point: Kosovo's North Emerges as Europe's Most Vulnerable Spot Outside Ukraine. In: *Western Balkans 2023: Assessment of Internal Challenges and External Threats*. Ed. by T.L. Domi. The New Line Institute for Strategy and Policy. September, 46 p.
- McCuen J. 2008. Hybrid Wars. *Military review*, 88(2): 107–113.
- Okonjo-Iweala N. 2023. WTO Chief Wants on Very Costly Fragmentation of Global Economy. *Nikkei Asia*. October 30. <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/WTO-chief-warns-on-very-costly-fragmentation-of-global-economy> (accessed: 07.04.2024).
- Peet J. 2008. Frozen Conflicts. *The Economist*. November 19. <https://www.economist.com/news/2008/11/19/frozen-conflicts?> (accessed: 14.04.2024).
- Peters A., Askin E. 2020. Der internationale Menschenrechtsschutz in Zeiten von Postglobalismus und Populismus. *MPIL Research Series*, 13, Berlin, Max Planck Institute, 18 s. DOI:10.2139/ssrn.3590257.
- Rudd K. 2023. Ten Alternative Futures for U.S. – China Relations. *The Center for International Relations and Sustainable Development (CIRSD). Horizons*. Winter, 22. <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2023--issue-no22/ten-alternative-futures--for-us-china-relations> (accessed: 16.04.2024).
- Urhová D. 2024. Anti-Western Axis of China, Russia and Iran Forging Closer Ties Amid Growing Tensions in the Middle East. *China Observers in Central and Eastern Europe (CHOICE)*. March 26. <https://chinaobservers.eu/anti-western-axis-of-china-russia-and-iran-forging-closer-ties-amid-growing-tensions-in-the-middle-east> (accessed: 11.04.2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 22.04.2024

Received: 22.04.2024

Поступила после рецензирования: 22.05.2024

Revised: 22.05.2024

Принята к публикации: 29.05.2024

Accepted: 29.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лобанов Константин Николаевич, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0001-7653-8937](https://orcid.org/0009-0001-7653-8937)